

Борис БРУНОВ:

«ОНИ ДЕНЬГИ ПОЛУЧАЛИ, А МЫ ЗАРАБАТЫВАЛИ»

В сущности, сегодня его жанр практически покинул эстрадные подмостки, по крайней мере в таком виде, в каком его привыкли видеть зрители масштабных концертов советской эпохи. Конферансье больше нет. Есть дикторы, ведущие, поднаревшие, как правило, на бесчисленных ток-шоу и приглашаемые за раскрученностью имиджа и узнаваемостью фаса, есть представители спонсоров или промоутеров конкретного мероприятия, есть вскрывающие парадные конверты глянцевого топ-модели. Конферансье — нет. Рассуждая без сентиментальных вздохов, стоит признать, что жанр уходит вместе со своим зрителем. Он исчез, потому что не пополнился новыми яркими личностями, а не пополнился от того, что перестал быть востребованным. Однако пока существует Брунов, о стопроцентном забвении конферанса говорить преждевременно.

Борис Сергеевич — удивительный персонаж. Возможно, единственный такой на нашей сцене. Не певец, не музыкант, не танцор, не дирижер, но известен всем, дружен с большинством и не обойден ни одним правителем. Его известный когда-то коллега по ремеслу Лев Шимелов изумлялся: «Борис, как это получается, ты — не член партии, а получаешь звание за званием, орден за орденом?».

В правильном ключе мыслил товарищ Шимелов. Борис Сергеевич и в свои 75 не нарушил победной поступи. Начав на заре хрущевской эры со звания заслуженного артиста Бурятской АССР, непотопляемый конферансье покорил затем десятки рубежей, становясь заслуженным и народным в различных регионах нашего многонационального Отечества. Помимо само собой разумеющихся российских титулов, Брунов, например, является заслуженным артистом Киргизии, а на днях в качестве подарка к юбилею получил актуальнейший статус народного артиста Чеченской республики.

Гирлянда региональных регалий, конечно, почетна, но, согласитесь, по нынешним критериям не слишком пафосна. Современные награды выглядят иначе. 17 июня у стен ГЦКЗ «Россия» положили плиту с золотой звездой и надписью: Борис Брунов. Играл военный оркестр, голосил, под фонограмму, детский хор, рукоплескали юбиляру случайные прохожие и почетные гости, среди которых статуя, улыбочкой и количеством охраны выделялся Владимир Шумейко.

Художественный руководитель Театра эстрады подъехал к специально смонтированной сцене на белом лимузине, в сопровождении милицейского эскорта. Сияя от продекламированных нечто среднее между песней и куплетами, резюмировавшими, что же все-таки есть эстрада. Оказалось, что это много чего, в том числе и Борис Брунов.

Затем затяжное действо переместилось непосредственно под своды концертного зала и герой весь вечер почти не уходил за кулисы, выступая сперва в сопровождении многократно менявшегося наряды мюзик-холла, а затем в компании наскоро — собранных друзей — артистов. Почему наскоро объясню позднее.

Приблизительно в момент закрытия столичного метрополитена в фойе начался легкий банкет. Он оказался третьим за неделю, приуроченным к эпохальному событию. Ранее Брунова чествовали в недавно открывшемся на месте казино «Жар-птица», клубе «Бевежли-Хиллз», где среди искусственных огромных пальм и декоративных свечей окочек гостям выносили питательные блюда и десерты. И гости, в том числе: Юрий Лоза, Александр Новиков, Анастасия, Татьяна Маркова и другие кушали и пели. Несколькими днями позже гуляли в «Метрополе».

Плита — не единственный материальный презент, полученный именинником. По-настоящему царский подарок преподнес своему бывшему доверенному лицу Брунову президент России.

«Мы с супругой живем в очень затрапезной, многолетней квартире, в плохом районе. Она вся развалилась. И к 75-летию Борис Николаевич подарил мне новую квартиру. Это самый большой подарок», — говорит счастливый тезка Ельцина.

— А автомобиль у вас есть, Борис Сергеевич?

— Нет. И дачи нет.

— Почему?

— Потому. Я не застал при советской власти бешеных гонимых, а в театре долгое время получал 300 рублей. Поначалу вообще работал на полставки. А сейчас я — не бизнесмен. Тем более, будь у меня теперь «Мерседес», меня пересажали бы на «Волгу» (улыбается).

К 75-летию президент подарил мне и машину.

— Какую?

— Управляющий делами президента позвонил и сказал, чтобы я сам выбрал.

Признаюсь, не с этого прозаического фрагмента начался мой диалог с мэтром конферанса. Расположившись за столом в своем начальственном кабинете, полностью завешанном десятками фотографий и плакатов, и раскурив огромную сигару, господин Брунов пустился в пространственные воспоминания.

«Вот вы из «Недели». А знаете, что когда-то мне был подарен самый первый номер той еще «Недели». Я был знаком с Аджубеем. К сожалению, газета видоизменилась. Говорю, к сожалению, потому что когда-то она печатала всеобъемлющие материалы и, по сути, считалась третьей по солидности — после «Правды» и «Известий».

Теперь начался крен в рекламу. Впрочем, в последние полгода в «Неделе» вновь стали, все более, появляться интересные материалы. Вы стали уделять внимание эстраде. Вчера вот полностью изучил свежий номер».

— Борис Сергеевич, вот с Аджубеем вы тесно общались и он был не единственным из ваших весьма влиятельных и авторитетных знакомых. Как это у вас так получалось, подобно Зурабу Церетели, на протяжении всей жизни дружить преимущественно с высокопоставленными товарищами?

— Мои влиятельные люди это: академики, маршалы, генералы. С ними я общался действительно много и общаюсь до сих пор. С маршалом Куликовым, генералом Грозовым, академиком Гвишиани, художниками Шиловым, Глазуновым. Был дружен с Соловьевым—Седым, Фрадкиным. К сожалению, не застал и присутствовал лишь на похоронах Дунаевского. Но был хорошо знаком с Шостаковичем, Кабалевским. Ближайшим моим другом являлся Роберт Рождественский. В таких же отношениях я до сих пор с Евгением Евтушенко.

Кстати, с Евтушенко у меня в свое время произошел такой случай. Я находился на обычных, сермяжных гастролях в Красноярске. Это был период после известного разноса, устроенного Хрущевым молодой творческой интеллигенции. Отдыхаю в гостинице после устроенного в мою честь ужина в ресторане, слегка «под шафе». Вдруг среди ночи стук в дверь. Спрашиваю: «Кто?» — «Евтушенко» — «Какой Евтушенко?» — думаю. Ночь, Красноярск... «Женя Евтушенко, поэт, твой друг», — говорит. Открываю дверь, действительно стоит Женя. «Ты знаешь, Борис, я должен у тебя переночевать». Ради Бога, говорю, очень рад, вот есть свободный диван, но в чем дело?

Оказывается, Евтушенко написал «Братскую ГЭС» и ехал туда, а по дороге решил остановиться в Красноярске и прочитать поэму местной молодежи. Но из Москвы пришло распоряжение нигде его не принимать и не селить. Ему отказали даже в Доме колхозника. Тогда он пришел ко мне и прожил несколько дней, а затем перебрался в загородный особняк тамошнего секретаря крайкома комсомола, который оказался человеком прогрессивных взглядов и принял поэта вопреки всем указаниям центра.

Что касается высокопоставленных государственных лиц, то тесно знаком я был лишь с Алексеем Николаевичем Косыгиным. И то потому, что мой друг детства женился на его дочери Людмиле Алексеевне.

Удивительно светлый был человек... Алексей Николаевич и Клавдия Андреевна являлись людьми очень строгих правил. Сейчас вспоминаю, что на всех званных вечерах у них никогда не встречал больше 2-3 человек из Политбюро или ЦК. В основном там собирались директора заводов, министр авиации,

земляки Косыгина по Ленинграду. На встречу Нового года приходили Хачатурян, Хренников, известные артисты. Я считал честью для себя бывать в этом доме. Но однажды, какая-то скотина написала в адрес Алексея Николаевича письмо, где сообщалось, что «вашим именем спекулирует Брунов, козыряет дружбой с вами и грозит нам всем пальчиком». А я никогда не пользовался данным знакомством.

Я знаю тех, кто это написал. Они существуют и ныне и лезут теперь в объятия, целоваться. Тогда же у меня не было ни квартиры, ни телефона и я не думал просить Косыгина о помощи.

— Вы говорили с ним тогда о политике?

— Нет. Мы вообще тесно общались довольно редко, в основном говорили на какие-то житейские темы.

— Ваша карьера получилась, на первый взгляд, весьма удачной и ровной. Тем не менее, при каком правителе вам жилось наиболее комфортно и счастливо?

— Знаете, когда-то я задал подобный вопрос своим прибалтийским друзьям: вам лучше жилось при Ульманисе или позднее? На что мне ответили — разве важно, кто у власти, если тогда нам было по 18 лет?

Карьера моя пришлась, конечно же, на время правления Хрущева. Сейчас много пишут, что это — ужасная эпоха, кукурузное время, а привокзальные артисты разменивали свой талант, выступая перед вождями. Не знаю. Я тоже выступал в таких концертах и помню, что приглашение в подобную программу считалось высочайшей честью для артистов.

К этим концертам я готовил специальные монологи. У меня всегда, сейчас тоже, была хорошая память, а среди авторов, писавших мне тексты, был такой Матвей Грин. Он умел стремительно реагировать на любые события. Скажем, утром Хрущев, позже Брежнев прочитали какой-то доклад или вышло постановление правительства по химической промышленности, по сельскому хозяйству — вечером Грин уже откликался актуальным произведением. А я через пару дней выучивал текст наизусть. Поэтому меня и приглашали тогда в официальные концерты чаще других.

— Монологи были ироничными?

— Не-ет. Ирония тогда не допускалась. Это был юмор, без малейших элементов сатиры. Прежде чем выйти на сцену Дворца съездов, допустим... Кстати, с этим залом у меня произошел курьез. Я ведь оказался первым артистом, поднявшимся на главную сцену страны.

Это было на концерте в честь строителей, воздвигающих КДС. В зале присутствовало все Политбюро во главе с Никитой Сергеевичем.

Накануне я показал номер, с которым собирался выступать, Завену Гевонювичу Вартаняну, тогдашнему заведующему музыкальными учреждениями Министерства культуры. От него зависело, какого артиста допустить, какого — нет. Я рисовал в то время быстрые карикатуры на известных политических деятелей: Де Голля, Ачосона, Черчилля и к ним прилагались антиимпериалистические эпиграммы. В момент представления я декламировал эти эпиграммы и срывал картинку. Обычной публике номер нравился. Вартанян также одобрил его и указал, что именно нужно исполнять. А на следующий день ему позвонила разгневанная Фурцева и спросила: «Кто разрешил Брунову делать такие карикатуры? Оказывается, существовал какой-то протокол, согласно которому нельзя высмеивать политических деятелей одного государства в присутствии официальных лиц другого.

Вартанян вызвал меня и закричал: «Как ты смел?». Я ответил: «Но вы же сами сказали...», на что он возразил: «А своя голова на плечах есть?».

— Карикатуры вы рисовали только на западных деятелей?

— Конечно. Это была конъюнктура. Мы вообще поносили все западное, и я в том числе.

— А что думали на самом деле?

— Ну я был так воспитан и многим вещам искренне верил. Шесть лет служил на флоте и никогда не был диссидентом и острым сатириком, поносившим устои. Считал, что живу в той стране и при таком строе, который надо воспевать. Теперь это считается крамолой.

Впрочем, в те годы иначе было невозможно. Предлагаемые мне интермедии или талантливо написанные куплеты вычитывал сначала редактор Мосэстрады, затем подписывал директор, дальше редактор Управления культуры, потом редактор Министерства культуры, а потом текст отправлялся в Главлит.

Главлит, по этой причине, как ни странно, был самой легкой организацией. Там существовало единственное мерило — антисоветское это или нет. Но уже столько раз правленный текст, доходивший туда, ничего антисоветского содержать просто не мог.

Мой кремлевский случай — это довольно весело. А вот в Театре эстрады, когда я им еще не руководил, произошла более драматичная ситуация. Райкин играл программу, посвященную 50-летию Советской власти. В ней был его традиционный вступительный монолог, где он цитировал Ленина, Фейербаха, дальше шел прекрасный спектакль. В зале присутствовал тогдашний член Политбюро Дмитрий Степанович Полянский. По тому времени — великое событие. Это сейчас к нам приходят и Черномырдин, и Лужков. А тогда представители руководства страны в Театре эстрады — редкость. У нас же нет ни лож, ни мест для почетных гостей.

После спектакля Полянский зашел за кулисы: «Аркадий Исаакович, у вас изумительная программа, соответствующая празднику и настроению советских людей! Она и острая, и дерзкая, но все в меру». Тогда кто-то из Министерства культуры поинтересовался: «Ну а все-таки, Дмитрий Степанович, есть какие-то замечания?» — «Да какие замечания. Потрясающе!» — «Ну а все-таки?» — «Да нет никаких, изумительно! С ума можно сойти, какой артист!» — «Может, какая-нибудь частная рекомендация?» И Полянский, уже уходя, в полном восторге произнес: «Разве что кое-где смягчить».

На следующий день Райкин пришел на концерт и ему так все «смягчилось», что у него случился инфаркт, первый. Отсюда его увезли прямо в больницу.

Да, Борис Сергеевич подобных проблем с цензурой раньше не имел. Зато сейчас, будь его воля, думается, сам выступил бы цензором некоторых изданий. Скажем, «Экспресс-газеты». Обиделся почтенный деятель эстрадного искусства на одного из фламанов нашей бульварной журналистики. «Им будет неприятно это услышать, если вы напечатаете, а мне неприятно от того, что они со мной продавали. Полторы недели назад я встречался с редакцией уважаемой мной газеты. Получился милый разговор. Меня расспрашивали об эстраде. Вдруг задала вопрос относительно Кобзона. «Вы его много лет знаете, когда у него появилось искусственная накладная на голову? Почему это произошло?» Я объяснил, что спрашивал когда-то об этом у его матери, Иды Исаевны, очень мудрой женщины. Она рассказала, что все произошло с Иосифом в очень молодом возрасте. Будучи студентом или даже школьником, в трескучие морозы он ходил в Днепрпетровске без шапки. Тогда пришла такая мода из-за границы. Они выслу-

Люблю компании.
Могу выпить
и водочки и виски

Я никогда не был
сатириком,
поносившим устои